

Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири (11-13 декабря 2000 г., Тобольск). Тобольск–Омск: ОмГПУ, 2000. - 546 с.

В сборнике публикуются тезисы докладов и сообщений участников III-го Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири: русские старожилы”, проводившегося в г. Тобольске 11-13 декабря 2000 года.

Представленные материалы исследований по различным аспектам изучения, сохранения и трансляции культурного наследия русских старожилов могут быть интересны для археологов, этнографов, лингвистов, историков, музейных работников, а также широкому кругу читателей.

Редакционная коллегия:

Головнев А. В., доктор исторических наук (отв. редактор);
Первалова Е. В., кандидат исторических наук (зам. отв. редактора);
Нескоров А. В. (отв. за выпуск);
Федорова Н. В., кандидат исторических наук;
Побережников И. В., кандидат исторических наук;
Шашков А. Т., кандидат исторических наук;
Тычинских З. А.;
Винокурова Н. В.;
Шестакова Л. В.;
Адамов А. А., кандидат исторических наук

Издание осуществлено при поддержке ОАО “Тобольск-ТВЭЛ” и АОЗТ “Сталь”

ISBN 5-8268-0426-2

© Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, 2000 г.

© Главное управление культуры Администрации Ханты-Мансийского автономного округа, 2000 г.

Г. В. Любимова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ (XIX — начало XX в.)

Существенная роль в общественной жизни сибирской деревни XIX — начала XX вв. принадлежала лицам, известным под общим названием “знающие”. Авторитет “знающих”, как показывают разнообразные источники, зачастую был выше, чем у официальных должностных лиц. Интересное подтверждение этому находим в рукописи сузунского краеведа П. Ф. Пирожкова, в которой описываются события, связанные с зарегистрированной здесь в 1892 г. холерой — ср.: *“зоринские мужики собрались на сход к старосте... Решили закрыть все входы-выходы, поставить карантин и зажечь навоз вокруг деревни. Но знахарь Иван Гаврилович Сотников решительно настоял на том, чтобы сделать “обыденную” рубашу и огородить деревню “огородом”*. Мнение знахаря в данном случае оказалось более весомым, чем мнение старосты.

Обычно “знающими” становились люди, почему либо нарушающие границу между сферами бытия или находящиеся близко к ней, то есть, так или иначе “связанные с потусторонним миром” [Раденкович 1995] — ср.: *“в народе ходят легенды, будто колдуны продают свою душу дьяволу”* [Надеждинский 1864, Тобольская губ.] и в силу этого *“являются... посредниками между людьми и нечистыми духами”* [Неклепаев 1903, Сургутский край].

Полученное тем или иным способом тайное знание носило, по народным воззрениям, двойственный характер, поскольку его реализация могла происходить как “положительным”, так и “отрицательным” путем. Понятия знахарства, ведовства и колдовства в народной традиции были разграничены не четко, соответственно, такие категории лиц, как знахарь/знахарка, ведун/ведунья, колдун/колдунья и пр. различались не столько по характеру магической практики (“хорошая” или “плохая”), сколько по способностям и силе человека [Харитонов 1997].

В поздней традиции одной из заметных функций знахаря или колдуна являлась роль главного распорядителя крестьянской свадьбы — ср.: *“дружка и полудружье в свадебном обряде играют роль знахарей”* [ГААК. Ф. 163, Барнаульский о.]; *“дружка — он же немного и колдун”* [АРГО. Р. 59, Нерчинский о.]; *“хранитель свадебных порядков, обычаев и обрядов... — вежливей — вместе с тем и вражней, то есть ведающий с нечистой силою”* [АРГО. Р. 61, Тобольская губ.].

Знание всевозможных *“присказок, прибауток, поговорок (и) наговоров”* для “отвораживания порчи” входило в круг важнейших обязанностей дружки [Григоровский 1882, Нарымский край]. Считалось также, что сам дружка должен *“быть хитрым, сметливым и проворным”* [ГААК. Ф. 163, Барнаульский о.]. Те же по сути требования предъявлялись и к главным исполнителям календарных обрядов и праздников. На роль Масленицы, к примеру, обычно приглашался *“опытный, хорошо знающий подробности обряда крестьянин” — “хороший знахарь, сказитель и певец народных песен... находчивый и остроумный”* [Городцов 1915, Тюменский у.].

Являясь главным распорядителем обрядового действия, дружка строго следил за всем ходом свадьбы, за своевременным наступлением того или иного ее этапа. По словам вятских переселенцев, *“дружка и тысяцкий смотрели, чтобы день не на убыль шел, когда жених с невестой венчаться поедут”* (записано в с. Наумово, Тальменский р-н, Алтайский край). Поведение дружки складывалось из множества мелких ритуально-магических действий — ср.: *“во время общего стола... при перемене каждого кушанья (дружка) делает странные какие-то наговоры”* [АРГО. Р. 62, Томская губ.], с полотенцем через плечо и с плетью в руке *“ходит вокруг свадебного поезда... шепчет и наговаривает, пересыпая слова свои прибаутками... вооружает жениха и невесту*

восковыми с наговором шариками... советует невесте сверх обыкновенных подвязок к чулкам надеть еще и мочальных и... крестится перед каждой дверью, перед каждым порогом" [АРГО. Р. 59, Нерчинский о.]. По дороге в церковь деревенский колдун "садится в сани и едет тихо вперед..., осматривая все подозрительное" — будь то "щепочка" или "камышек" [Надеждинский 1864, Тобольская губ.].

Представления об особой уязвимости героев свадебного ритуала нашли отражение в многочисленных быличках об "испорченных свадьбах" — ср.: "без вежливица... лошади унесли (молодых) в поле, там невесту испортили, так что со свадьбы стала чахнуть" [АРГО. Р. 61., Тобольская губ.]. Отметим, что лицо, "испортившее" невесту, в данном случае не названо, однако имеется указание, что это случилось в отсутствии "вежливица". Согласно полевым материалам, непосредственным виновником подобного рода несчастий обычно являлся "один старик", которого "не уважили", "места за столом не дали", "подарок не сделали" и т. п. — ср.: "как-то раз одного деда на свадьбу не пригласили, так он сказал — "Попомните вы меня" — и превратил невесту с женихом в волков. Пришли тогда к нему родные жениха и невесты, в ноги упали, он их и расколдовал, вот только невеста сильно поморозилась, когда они с женихом волками по полям бегали" (записано в с. Петропавловка, Маслянинский р-н. Новосибирская обл.). Нетрудно заметить, что со временем произошло смещение акцентов в роли колдуна на свадьбе в негативную сторону.

В образе женских демонологических персонажей более отчетливо, чем в мужских, прослеживается сочетание человеческой природы и свойств демона, например, способностей к оборотничеству.

В энциклопедическом словаре "Славянская мифология" [1995] "ведьма" (от др.-рус. 'ведь' — "знание") рассматривается как один из основных персонажей западно- и восточнославянской демонологии, в то время как "вештица" — в качестве персонажа южнославянской демонологии. Вместе с тем, архивные и опубликованные источники показывают, что сибирской деревне были известны оба понятия.*

Вредоносная деятельность ведьм и колдовок распространялась, по народным воззрениям, на сферу земледелия и скотоводства — ср.: "колдуны нередко вредят скоту и посевам" [Надеждинский 1864, Тобольская губ.]. В быличке, записанной более ста лет назад "учеником Читгинского городского училища Дм. Нечухаевым", речь идет как раз о такой женщине-ведьме: "В одно время случилось так, что у коровы Василия Тарасова не стало молока... а у нас верят, что иногда молоко у коровы выдаивают ведьмы. Тарасов взял борону, потому что на ведьму нужно глядеть через борону... и когда глядел, то в полночь вдруг молоко зажурчало. Он стал приглядываться и увидел, что под коровой сидит сорока... он ударил сороку наотмашь, и вдруг из сороки сделалась его кума! Он давай ее лупить и вот она умерла на четвертый день". Примечательно, что в конце записи автор сделал пояснение, где и когда произошли указанные события: "это случилось в с. Доронинском, в 1886 г., на святках, в декабре месяце" [ПФА РАН. Ф.104].

Сходные былички были записаны летом 1999 г. у семейских Забайкалья: "колдовки и букусетки под Ивана Травника ходили... хозяин под борону забрался и увидел, как одна корову доила. Он у ей уши отрезал, так она потом платок не снимала". Указанным персонажам приписывалась также способность делать "заломы" в поле, "снять" которые могла только "лекарка": "она придет, почитает что-нибудь и снимет залом" (сс. Десятниково, Верхний Жирим, Тарбагатайский р-н. Республика Бурятия).

Нередко колдуньям приписывалась способность вызывать засуху — ср.: "крестьяне чуть не утопили старую женщину; "колдунью", подозреваемую в том, что она виновница небывалой засухи" [АРГО. Р. 59, Нерчинский о.]. Вместе с тем, представительницы данной социовозрастной категории, играли ведущую роль и в противоположных по смыслу обрядах, направленных на вызывание дождя [подробнее см.: Любимова 1997], что, по мнению ряда исследователей, можно рассматривать как проявление особой "ответственности" женщин за подобного рода несчастия и — как своеобразный "женский" вариант ритуального обновления и очищения мира [Байбурин, 1993].

Сведения о “вещицах”, носят, к сожалению, единичный характер. В настоящее время мы располагаем по крайней мере тремя описаниями, относящимися к Тобольской губернии конца XIX в. Все авторы отмечают реальную (человеческую) природу данного персонажа — ср.: вещицами могут быть *“разных возрастов замужние женщины”* [Неклепаев 1903, Сургутский край]; вещицы — это *“зловредные старухи”*, одна из которых — *“старуха из России”* — жила в Березове [АРГО. Р. 61]; и более того, *“в каждом селении”* жители могут указать *“на ту или другую женщину, которая при случае с помощью нечистой силы превращается в вещицу”* [Зобнин 1896].

Главное свойство женщины-вещицы заключалось в ее способности оборачиваться сорокой и *“вынимать телят из коров и младенцев из беременных женщин”*. Считалось, что в полночь вещица *“обращается в сороку в бане на 12 ножах”*, а *“туловище без головы... оставляет под поганым корытом”*, вылететь из дома — также как и попасть в чужой дом — вещица может только через дымовую трубу, за что в Сургутском крае ее прозвали “труболёткой”. Взамен вынутаго ребенка *“вещица кладет в утробу матери кусок льда, хлеба или голик”*, отчего та всю жизнь *“мучится... болью в животе”*, самого же младенца вещица жарит и ест. *“Если в полночь увидишь бесхвостую сороку с синим огоньком над головой, и хочешь опознать, кто именно летит, то нужно снять штаны и, обернувшись к вещице задом, посмотреть на нее промеж ног, тогда она упадет на землю и превратится в женщину. Этим путем обнаружить вещицу могут только мужчины”*, поймать же ее *“можно в Христову заутреню”*. “Христовска заутреня” считалась также благоприятным временем *“для обличения волхитки”* [Макаренко 1913, Енисейский у.].

Сведения о вещицах в других районах Сибири до сих пор не встречались. Тем не менее, в фонде Алтайского подотдела ЗСО РГО удалось обнаружить описание персонажа с аналогичными функциями, хотя само название при этом не упоминалось: *“в Ояше, — писал автор корреспонденции в 1892 г., — есть одна старуха, которая... умеет обращаться сорокой и, летая по домам, где есть беременные женщины, вынимает детей. Подобные случаи стали повторяться очень часто и общество присудило сжечь ведьму (колдунью). Приготовлен был даже сруб, в котором предполагалось сжечь ее. Но она дала обещание не делать подобных вещей и напасти кончились. Это было лет 10 тому назад”* [ГААК. Ф. 81].

Другие демонологические персонажи, также сочетавшие в себе свойства реальных людей и демонов, отличались менее четко выраженными функциями. К примеру, еретики и еретицы, как считалось, при жизни ничем себя не проявляли, зато в первую же после смерти ночь *“вставали из гроба, бросались на живых людей и тут же поедали их”* [Неклепаев 1903, Сургутский край]; в отличие от них “волшебницы” — *“замужние женщины и девушки”* — вредили не живым, а мертвым, разрывая по ночам *“свежие могилы”* и питаясь *“недавно похороненными покойниками”* [Неклепаев 1903, Сургутский край]. Характер отношения к ним со стороны русских сибиряков один из авторов определил как *“боязненное почитание”* [Макаренко 1913, Енисейский у.].

В целом, жизненный путь каждого человека характеризовался, по народным воззрениям, *“нарастающей с возрастом ритуально-магической активностью”* [Адоньева 1998] — ср., к примеру, общерусское хождение термина “бабушка” в значении “лекарка, знахарка”. Вместе с тем, как показывают приведенные материалы, существовала особая категория лиц, находившихся в постоянных контактах с иным миром, изучение роли и функций которых будет способствовать более полному пониманию реальной структуры сибирской общины указанного периода.